

Карина Демина

Хозяйка
Серых земель
Капкан
на волкодлака

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)
Д30

Демина, К.

Д30 Хозяйка серых земель. Капкан на волкодлака / К. Демина. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. – 488 с. – (Ненаследный князь).

ISBN 978-5-517-11877-6

Вновь в Познаньске неспокойно. Повисла над городом колдовкина полная луна, и, зову ее покорный, вышел на улицы зверь-волкодлак. А следом и колдовкиным духом потянуло. Что надобно ей, Хозяйке Серых земель, в Познаньске? Кому как не старшему актору королевской полиции Себастьяну сие выяснять, конечно, ежели сам актер в живых останется. Заодно уж пусть разберется со странными делами, что творятся в благочинном семействе князей Вевельских, в тайнах ведьмачьего прошлого и иных, несомненно, прелюбопытных вещах.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11877-6

© К. Демина, текст, 2024
© Е. Матвеева, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

**ГЛАВА 1,
в которой Себастьян Вевельский
делает предложение руки и сердца,
но получает категорический отказ**

*Все, что ни делается, – к лучшему. Просто не
всегда к вашему.*

Частное мнение пана Грабовски,
практикующего медикуса,
человека в высшей степени благообразного
и, что немало, состоятельного

Ночь была на диво хороша. В меру темна, в меру теп-
ла. Маслянисто поблескивала полная луна, стрекотали
сверчки, пахли розы... Баронесса Эльвира Чеснецка, тре-
тья и единственная оставшаяся незамужней дочь барона
Чеснецкого, розы весьма любила. Во многом любовь сия
происходила от того, что некий студюозус, обезумев от
любви, не иначе, сложил сонету в честь Чеснецкой розы,
и титул этот, пусть и не означенный ни в одном из гераль-
дических справочников, Эльвире пришлось весьма по
сердцу.

В отличие от студюозуса.

Нет, она вознаградила его за старания милой улыб-
кой и поцелуем, последним не без умысла — Элечка соби-

ралась в Познаньск, где не хотела показаться провинциальной глупой девкой, которая и целоваться-то толком не умеет.

Вот и потренировалась.

На студиозусах тренироваться всяк удобней, нежели на кошках.

Как бы там ни было, история та случилась в далеком прошлом, памятью о котором остался девичий альбом со злосчастливым сонетом, писанным красными чернилами — а врал, будто бы кровью! — да Эльвирина страсть к розам.

Розы окружали ее.

И не только в саду, где они росли, постепенно вытесняя прочие растения. Нет, розы были повсюду. Роскошные золотые цветы распускались на обоях и гардинах, на обивке кресел, козеток, диванов и диванчиков. На коврах и дорожках. На зеркалах. На посуде... и даже ночная ваза Эльвиры была украшена золотыми розами.

Что уж говорить о нарядах?

Элечка вздохнула.

Розам свойственно увядать, а она... она, пожалуй, заигралась... были кавалеры, признавались в любви. Говорили о том, что бросят к Элечкиным ногам весь мир... куда подевались?

Сестры злословят, что, мол, сама виновата... чересчур горда была.

А ведь казалось, что жизнь только-только начинается. И куда ей замуж? В шестнадцать-то лет... и в семнадцать... и вот уж двадцать три, старость не за горами, а где женихи?

Исчезли.

Не все, конечно. Папенька за Эльвирой хорошее приданое положил, вот только... на приданое или красавцы молодые без гроша за душой слетаются, уверенные, буд-

то Эльвира любви их неискренней рада будет, или старицье, которому деньги без надобности...

Не то все, не так... но ничего, даст Иржена-милосердница, все у нее сладится. Ныне же вечером сладится.

С этой, несомненно успокаивающей мыслью, Эльвира устроилась перед зеркалом.

А все ж хороша.

И не та, не девичья красота, но все же... лицо округлое с чертами мягкими, пожалуй, чересчур уж мягкими. Но кожа бела. Глаза велики, а подведенные умело и вовсе огромными кажутся. И что до того, что появились в уголках их морщинки?

Губы бантиком.

На щеках слабый румянец...

Шея длинная. Волос темный по плечам разметался, будто бы в беспорядке...

Эльвира взяла хрустальный флакон. Капля розового масла на запястья. И другая — на шею. Не переборщить бы... впрочем, она уже давно освоила сию науку и с запахами обращалась столь же свободно, сколь и с красками... румянец вот идеального оттенка вышел.

Соловей смолк, видать, притомился. Зато сверчки застрекотали, действуя на нервы... время-то позднее... третий час... а он все не идет и не идет...

Обещался ведь!

И Эльвира готовилась... папенька ждет.. и братья... главное, чтоб ожидание это, которое затягивается несколько, не решили они скрасить игрой да выпивкой. Папенька-то меру знает, а вот за братьев Эльвира не поручилась бы.

И послать бы горничную, чтоб проверила, да... нельзя. Девка, конечно, служит давно, но все одно нету веры прислуге, тут обидится, там денег предложат... а то и просто по глупости разболтается.

Нет уж.

Все самой надобно, а Эльвире из комнаты не уйти. Да что там комната, окошко и то не прикроешь, хотя тянет оттуда сыростью...

Эльвира зябко повела плечами, прелестно обнаженными, и набросила-таки на них белоснежную шаль, расшитую золотыми розами.

Этак и вовсе околеть можно, в тоненькой ночной рубашке, которая не рубашка — название одно...

— Эля! — раздался свистящий шепот, когда она уже почти решилась выйти из комнаты: следовало сказать папеньке, что сегодняшний план не удался. — Эля, ты тут?

— А где мне быть? — не сдержала раздражения Эльвира.

Но тут же себя одернула: не время для ссор.

Сердце сжалось от нехорошего предчувствия, и Эльвира поспешила себя успокоить: все пройдет замечательно. Себастьян пришел.

Как приходил вчера.

Позавчера.

И весь этот месяц...

Сейчас подхватит на руки, закружит, скажет, какая Эльвира ныне красивая... или еще что-нибудь этакое. Язык у него хорошо подвешен... а после к кровати понесет... и там останется потянуть за ленточку... колокольчик зазвенит, призывая папеньку с братьями...

Себастьян Вевельский тяжело перевалился через подоконник.

Что это с ним?

Прежде взлетал легко по виноградным лозам, шутил только, что каждый вечер совершает подвиг ради прекрасной дамы...

— Элечка! — Он встал на колени и протянул руки.

Пахнет от него... дурно пахнет.

Выпил, что ли?

Нет, не перегаром вовсе, запах перегара Элочке прекрасно знаком. Тут иное... дым? И будто бы сточная канава... и... и одежда в грязи... да что это за одежда?!

— Элочка, у нас мало времени. — Себастьян вытащил мятый клетчатый платок, которым отер лицо.

Пиджачишко серый, двубортный. Лацканы лоснятся, рукава и вовсе затерты безбожно. И главное, что в плечах пиджачишко этот тесен, рукава коротковаты, а из них пузырями серыми рукава рубахи выступают.

Штаны пузырями.

На шее желтый платок кривым узлом повязан, а под мышкой Себушка котелок держит.

— Себушка... — Элочка закрыла глаза, втайне надеясь, что престранный князев наряд ей примерещился, скажем, спросонья. Но когда она глаза открыла, ничего не изменилось.

Распахнутое настежь окно.

Луна желтая.

Сладкий аромат роз... соловей и тот очнулся, защебетал о своей, птичьей, любви. Но сейчас трели его, прежде казавшиеся уместными — даром что ли Эльвира самолично в саду место для клетки искала? — действовали на нервы.

Не исчез и престранный костюм, который удивительным образом подчеркивал некоторую нескладность Себастьяновой фигуры.

— Что случилось?! — осторожно поинтересовалась Эльвира, обходя потенциального мужа.

А в нынешнем наряде он какой-то... жалкий.

И спину горбит... или не горбит? Поговаривали, что в прежние-то времена с горбом натуральнейшим ходил, а после выправили... и видать, не до конца... а еще плечо

левое ниже правого... странно, в постели оба плеча были одинаковы.

Или Элечка просто на плечи внимания не обращала?

Себастьян взмахнул ресницами и сказал:

— Выходи за меня замуж!

Это она, конечно, с радостью, но...

...он был хорошим любовником. Пожалуй, лучшим из тех, с которыми Элечку сводила судьба, вот только не чувствовала она в нем желания связать жизнь с нею, да и вовсе готовности к женитьбе. А потому сие неожиданное предложение, каковое должно было бы порадовать, донельзя встревожило Эльвиру.

— Выходи! — повторил Себ и, затолкав несчастный платок в рукав, вытащил колечко. — Вот! Это для тебя... сам выбирал!

— Спасибо, но...

Папенька ждет.

И братья, если, конечно, не сильно набрались... выпить-то они много могут и на ногах держатся долго, только вот способность здраво мыслить теряют. Впрочем, эта способность у них и в трезвом состоянии нечасто проявляется.

— Выйдешь? — меж тем поинтересовался Себастьян Вевельский, и такая надежда в его голосе прозвучала, что Эльвире стало неловко.

Выйдет.

Наверное. Колечко она приняла и мысленно скривилась: оскорбительная простота! Не золотое. И не платиновое... серебро?

Не похоже на серебро.

Зато с камнем зеленым, крупным. Слишком уж крупным для того, чтобы быть настоящим.

— Что это? — севшим голосом поинтересовалась Эльвира и ногтем по камню постучала.

— Синенький. Как твои глаза, — сказал Себастьян и широко улыбнулся. — Прости, Элечка, но некогда разговаривать... я тебя люблю!

— И я тебя. — Эльвира покосилась на камень.

Зеленый. Определенно зеленый. А глаза у нее и вовсе серые... и если Себастьяну они синими казались, то, стало быть, он и цвета не различает. Нет, конечно, сие недостаток малый, несущественный можно сказать, но в сочетании с иными...

— Я знал! — с пылом воскликнул Себастьян, прижимая руки к груди, отчего пиджачишко опасно натянулся, затрещал. — Знал, что ты от меня не отвернешься! Собирай вещи. Мы уезжаем.

— Куда?

— Туда, — Себастьян ткнул пальцем в открытое окно. — А потом дальше. Бери самое необходимое...

— Стой. — Эльвира положила кольцо на туалетный столик и глубоко вдохнула, чтобы успокоиться. — Объясни, пожалуйста, что происходит. Зачем нам бежать. И встань, наконец!

Голос подвел, сорвался.

Себастьян поднялся, как-то неловко, боком.

— Прости, Элечка... такое дело... папенька вновь проигрался крепко... скандалить начал... в кабаке... с обвинениями полез... драку устроил... он норова буйного...

Эльвира осторожно кивнула: понимает. Ее собственный батюшка тоже горазд приключения искать. А братья в него пошли, чем батюшка немало гордится, не разумея, что от фамильного этого характера одни беды... помнится, в прошлом-то годе, когда Зденек в кабаке пляски пьяные учинил, а после к купцам привязался, едва до суда дело не дошло...

— Кто ж знал, что его величество там будут, — с тяжким вздохом продолжил Себастьян. — А отец позволил себе... некоторые неосторожные высказывания...

Нехорошо... Одно дело — купцы, люди второго сословия, и совсем другое — король...

— И... что теперь? — Эльвира подняла колечко, мысленно прощаясь и с ним, и с Себастьяном.

— Меня предупредили...

Себастьян опустил голову.

— Батюшку арестуют... не за пьяную драку, конечно. В злоумышлении против государя обвинят...

...серьезно.

...и если вину докажут, а при желании доказать ее не так и сложно, то грозит Тадеушу Вевельскому плаха, а семейству его — разорение...

— Сестрам моим — или в монастырь, или оженят по государевой воле. А нам с братьями — на границу путь-дорожка... вот я и подумал... чего мне тут терять-то? Уеду я... подамся на Север.

— К-куда?

— На Север, — с чувством глубокого удовлетворения повторил Себастьян. И, оказавшись рядом, приобнял. — Вот представь только, Элечка...

Представлять ей не хотелось совершенно.

От Себастьяна пахло прокисшим пивом, дешевой кельнской водой, которой, помнится, папенькин конюх пользовался, а еще потом. И Элечке подумалось, что ныне эта преотвратная смесь запахов будет сопровождать ненаследного князя по жизни...

— Снега... кругом снега! Налево посмотришь — снега! Направо — сугробы! Вперед — сколь глаз видит, даль белоснежная! Позади...

— Снега, — мрачно произнесла Эльвира.